

АНТИЧНАЯ И БИБЛЕЙСКАЯ ЭСТЕТИКА В СВЕТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДИАЛОГА

А. Е. Сьянова

*Белорусский государственный университет, Минск;
syanovanastassia@gmail.com;
науч. рук. – Т. А. Морозова, канд. филол. наук, доц.*

Статья посвящена изучению вопроса взаимодействия и взаимовлияния античной и библейской культурной парадигмы на становление европейской культуры в свете феноменологии диалога. Рассмотрены основные принципы античной и библейской эстетики, в частности отличия понятий время и пространство. Выявлены ключевые заимствования из эллинской и библейской культур в европейской культурной традиции.

Ключевые слова: диалог культурных традиций; библейская эстетика; античная эстетика; взаимодействие культурных феноменов; европейская культура.

Европейская культура и цивилизация развивалась под влиянием двух равно значимых традиций: античной (эллинской) и библейской (древнееврейской). Влияние эллинской культуры было определяющим в сфере рационального мышления, влияние Библии – в сфере духовно-этической. С. С. Аверинцев подчеркивает: «Греция дала образец меры, Библия – образец безмерности; Греции принадлежит “прекрасное”, Библии – “возвышенное”, то особое качество, которое в природе присуще не обжитым местностям, но крутизнам гор и пучинам морей. Тема греческой поэзии – статика формы, тема библейской поэзии – динамика силы» [1, с. 189]. Диалог этих культурных традиций длится уже многие столетия.

Принципы библейской эстетики кардинально отличаются от эллинских. Изначально обе традиции являлись противоположными по своему пониманию человека и его места в мире, по определению принципов воплощения бытия. Г. В. Синило отмечает характерные черты каждой из традиций и их отличия: «Кроме того, следует отметить, что в противовес эллинской культуре зрения – культуре пластичных, скульптурных, архитектурных форм, простирающих свою власть и над поэтическим словом, – культура библейская является культурой голоса и слуха, культурой звучащего слова, бесконечного вслушивания в незримое и едва уловимое веяние Духа Божьего, в голос Божий... Это глубинно связано именно с различным восприятием мира и времени: если для греков важнее пространство, целостный космос, освоенная человеком ойкумена (экумена), то для евреев – время, точнее – мир, развертываемый во времени» [2, с. 60].

Каждая из культур опирается на своеобразное восприятие времени и пространства. Если в античной культуре важным является пространство, то в Библии главенствующее начало принадлежит времени. Освальд Шпенглер в работе «Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории», выделяя характерные черты античной культуры, подчеркивает ее пространственную направленность. Античный человек живет настоящим, его мысли ограничены теми событиями, которые происходят в данный исторический момент: «То, что грек называл космосом, было картиной мира, не становящегося, а сущего. Следовательно, сам грек был человеком, который никогда не становился, а всегда был» [3, с. 165]. Характерными чертами античной культуры стали соразмерность, строгая упорядоченность, симметричность, цикличность времени. Каждое явление в античной концепции бытия обладает своей цикличностью и повторяемостью: «внутри космоса даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или латентно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени свойство необратимости и дает ему взамен мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии» [4, с. 229].

Библейская культура, напротив, выдвигает идею духовного и нравственного Абсолюта, существующего вне пространства и не имеющего никакого физического воплощения (в отличие от античных божеств). В то же время Бог является живой Личностью, ведущей постоянный диалог с человеком, стремящейся приобщить человека к совершенству. Эта идея обуславливает специфику библейской эстетики и становится созвучной представлениям М. Бубера, который в начале XX в. вводит понятие диалога культур, описывая взаимодействие культурных феноменов в виде связи двух сознаний (Я и Ты): «Онтология Бубера, напомним, теологическая; признается, что действуя со всеми предметами, общаясь с Ты, Я устанавливаю отношение и с вечным Ты» [5, с. 205].

Важнейшей категорией библейского мирозерцания является понятие времени. С. С. Аверинцев подчеркивает особый характер различий в понимании мира в античной и библейской культурах, опираясь именно на их направленность на различные категории восприятия действительности: «Высшая мудрость античного человека состоит в том, чтобы доверять не времени, а пространству, не будущему, а настоящему, и его олимпийцы не могут лучше обласкать своего любимца, как подарив ему сегодняшний день в обмен на завтрашний... Напротив, сквозной мотив Библии – Обетование, на которое не только

позволительно, но безусловно необходимо без колебания променять наличные блага... Будущее – вот во что верят герои Библии» [4, с. 231].

Библия первая говорит не только о цикличности и повторяемости явлений, но и о линейном развитии. Библейские авторы видят в истории восходящее и нисходящее (деградирующее) начала. Таких представлений не существовало в античной культуре. Эллинское восприятие времени не предполагает его многослойности и направленного движения. В то же время библейское восприятие временного пространства многоассоциативно. Время возникает раньше пространства, пространство не разворачивается во времени. Так, Ауэрбах в работе «Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе» обращает внимание на то, что у библейских героев «больше глубины во времени, в судьбах и сознании; хотя их обычно до конца занимает то или иное происходящее событие, но они никогда не предаются ему без остатка, так, чтобы забыть о том, что было с ними прежде и в других местах; их мысли и чувства многослойнее, запутаннее, переплетеннее...» [6, с. 32].

Европейская культура многое заимствовала из античности. Вся наука, философия, филология мыслит категориями античной грамматики культуры. Европа взяла у античности лучшие образцы стихосложения, нашедшие преломление в литературной традиции. Поэтика библейских Псалмов оказала огромное влияние на европейскую литературную традицию не только средневековья, но и последующих эпох, а краткая и лаконичная ритмизованная проза книг Библии, содержащая в себе множество смыслов, повлияла на манеру письма. Религиозно-этическая основа христианской цивилизации коренится в Библии, а эстетика опирается преимущественно на достижения эллинского мира.

Важной чертой европейской культуры становится пластичность изображения, его наглядная художественность и эпическая повествовательность. Но вместе с тем рядом с античными образцами в тесной взаимосвязи существовали и лучшие образцы библейской эстетики. Определяющей в европейской культурной традиции стала библейская религиозная этика: европейский человек, отказавшись от языческих верований, пришел к осознанию необходимости жить по особым нравственным законам. Библия открывает перед европейским человеком мир безграничного действия, дает особую концепцию мироздания, но это «отнюдь не означает, что античная цивилизация не дала ничего в плане этическом, а библейская – в плане эстетическом (очевидно огромное влияние Библии, ее образности и стилистики на европейское искусство). Речь идет об определяющем влиянии, и на

протяжении всего существования европейской культуры в ней длится бесконечный диалог Иерусалима и Афин, евреев и греков» [7, с. 360].

На стыке античной и библейской культур формируется европейская культурная традиция. Она возникает в условиях бесконечного взаимодействия и взаимопроникновения культурных явлений в рамках диалога: «Диалог позволяет сосуществовать в едином пространстве разным логикам, не приводя их при этом к общему знаменателю. Каждая логика своеобразна и в этой своей единичности приближается к произведению искусства, поэтому диалог культур, диалог произведений, диалог логик есть пространство, внутри которого возможно со-бытие» [8, с. 502]. Греко-римская классическая культура отличалась особой замкнутостью на собственных сюжетах, мотивах и представлениях. Знакомство с христианским миром, в первую очередь, с миром библейским, поставило перед эллинской культурной традицией необходимость решения новых задач. Библейское сознание смогло преодолеть закрытость эллинской классики и одновременно сформировать новый тип культуры, опирающийся на античную рациональность в постижении бытия и признающую библейские ценности и заповеди императивом нравственности.

Библиографические ссылки:

1. *Аверинцев С. С.* Арфа царя Давида: У истоков древнейшей лирической традиции // Иностранная литература. 1988. № 6. С. 189–195.
2. *Синило Г. В.* Танах и мировая поэзия. Минск, 2009.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. К. Свасьяна. М., 2006.
4. *Аверинцев С. С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Противостояние и встреча двух творческих принципов // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971.
5. *Длугач Т. Б.* Диалог в современном мире: М. Бубер – М. Бахтин – В. Библер // Историко-философский ежегодник. М.: Аквилон, 2015. С. 191–242.
6. *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М., 1976.
7. *Синило Г. В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск, 1998.
8. *Оводова С. Н.* Диалог культур: объяснительные возможности постколониальной оптики в философии культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 86–94.